

родного явища: «О, вітре мій!» , «Скажи, коли нам ждуть тієї хвилини, Що доля всім дасть широко дихнуть?» , «Ти, може, чув?..» Поет змальовує «рвачкий» вітер не як небезпечну для людського існування силу, а як силу, яка може допомогти людям, підказати їм вихід з соціальної задухи.

Рядки поезій спонукають до роздумів про майбутню долю країни. Це підтверджує думку Г.Акопової, що, відзначаючи унікальність «художньої мови автора, ми не повинні також забувати, що він генетично пов'язаний з культурою, до якої належить, і сягає в неї корінням» [1, с.157]. Тому так виразно у творах постає громадянська позиція письменника.

Високий ступінь узагальнення має поезія «І світ воскрес! І, працівник великий...» , яка входить до циклу «Весняні сонети» . Символічного значення набуває образ «працівника великого» - орача, який піднімає «плуг важкий» , щоб проорати найпершу борозну. Стан, у якому перебуває країна художньо відтворений за допомогою тропів, які розкривають та характеризують особливості тогочасного буття: «пустир одвічно-дикий», «лежить земля без діла», «країна вся неначе заніміла». Епітети «працівник великий», «плуг важкий», «великі скиби чорні», «ниві неозорній», «пустир одвічно-дикий» виражають емоційну напруженість роздумів ліричного «я», його громадянську позицію, його обурення і неспокій, його відчуття нагальної потреби у звільненні народних мас від темряви неосвіченості, затурканості та необхідності культурно-освітньої роботи інтелігентів – сівачів «правди й волі». У творі яскраво виражена орієнтація суб'єкта мовлення на майбутнє, його мрія має яскраво виражений світоглядний характер. Як вказує О.С.Забужко, «особа проектує своє буття на ймовірний перебіг подій» [3, с. 38]. Сподівання на майбутні зміни в житті народу у Б.Грінченка були пов'язані з діяльністю української інтелігенції на селі:

Колись і ти, сівачу правди й волі,

На рідний степ повинен ще прийти [2, с. 74].

Розповідач докоряє інтелігенції за її інертність. Питальні речення, якими закінчується вірш, звучать як своєрідний заклик до діяльності, передають схвильованість авторської мови: «Чому ж не йдеш? Чому загаявсь ти?» [2, с. 74]. У вірші відтворено найхарактерніші ознаки соціальної свідомості тієї частини української інтелігенції, яка поділяла погляди просвітництва.

Отже, весняне життя природи в цілому ряді віршів Б.Грінченка відтворене з елементами певної інакомовності, в явищах природи поет бачить аналогічні явища суспільного життя. Майже всі поезії циклу «Весняні сонети» побудовані на ситуаційній подібності природного факту зміни пори року (оновлення природи) та пробудження людської активності.

Список використаних джерел

1. Акопова А. А. Эстетический идеал и природа образа / А. А. Акопова. – Ереван: Гитутюн НА НРА, 1994. – 223 с. 2. Грінченко Б. Д. Твори: У 2 т. / Борис Дмитрович Грінченко – К.: Вид-во АН УРСР, 1963. – Т. 1: Поезії. Оповідання. – 603 с.. 3. Забужко О. С. Ліричне як спосіб художнього моделювання дійсності (До проблеми роду в літературі) / Оксана Стефнівна Забужко // Радянське літературознавство. – 1986. – № 6. – С. 33-41. 4. Пришвин М. М. Собрание сочинений: В 6 т. / Михаил Михайлович Пришвин – М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1957. – Т. 6.: Повесть нашего времени. Осударева дорога. Из дневников последних лет. – 619 с.

П. Л. Шулык

К ВОПРОСУ О ЖАНРЕ БИБЛЕЙСКОГО МИФА О СОТВОРЕНИИ МИРА И ЧЕЛОВЕКА

Определение жанра произведений древней литературы если и ставит перед исследователем проблемы, то в большинстве своем вполне разрешимые, ведь «в древности границы между жанрами были строго очерчены, жанр отличался устойчивой особенностью, имел свою тематику, свой стиль и свое назначение, свое особое

«место в жизни», включая своего автора и свою аудиторию» [3, с. 205]. Но библейские тексты при всей очевидности отношения к тому или иному жанру древней литературы не помещаются в четко определенные границы. Возьмем, например, библейский миф о сотворении мира.

Вполне очевидно, что библейский миф о сотворении мира не просто существовал параллельно с космогоническими мифами других народов. Уже первая фраза, первые слова, которые Й. Вейнберг считает едва ли не самыми известными во всей мировой словесности [3, с. 368]: «В начале сотворил Элохим небо и землю...» [Быт. 1:1], – указывают на ряд соответствий библейского повествования с вавилонской поэмой «Энума Элиш». «Энума элиш» – название поэмы по первым ее словам – «Когда сверху...». Берейшит («В начале...») – первое слово библейского повествования и название первой книги Пятикнижия в еврейской, точнее в иудаистской традиции еще до появления Септуагинты. Общим в шумеро-вавилонской поэме и Библии является и представление сотворения мира как процесса разделения изначально единого и неразделенного целого. Но в вавилонской поэме этот процесс – кровавое столкновение между поколениями богов. В Библии же сотворение мира – это «мирный и постепенный труд единственного Бога» [3, с. 164].

При необходимости можно найти множество других аналогий между библейским повествованием о сотворении и различными древними мифами. В библейском тексте начальное состояние мира представляется также безвидным, пустым, покрытым водою и погруженным во тьму. И если в других мифологиях из вод появляется суша, в Библии Бог собирает воды под небом в одно место, являя сушу. В некоторых мифологиях боги лепят людей из глины или из земли. А, например, в вавилонской космогонии для создания человека глина была замешана на крови одного из младших богов. В Библии Бог слепил Адама из праха земного, затем вдохнул в него жизнь (*Адам* – человек: *адама* – земля, *дам* – кровь). И таких аналогий много, что позволяет библейское повествование отнести к мифу как к созданию «коллективной общенародной фантазии, обобщенно отражающее действительность в виде чувственно-конкретных персонификаций и одушевленных существ, которые мыслятся первобытным сознанием вполне реальным» [1, с. 222].

Вместе с тем в этом повествовании можно найти точки соприкосновения и с древнеегипетским сочинением, так называемом Мемфисским теологическим трактатом, сохранившемся в копии примерно 700 г. до н.э., в котором «рассказано, что бог Птах сначала замыслил все сущее «сердцем своим», а затем «...сделал это существующим речью своей», сотворил «всех богов, всех людей, весь скот, все ползучее и [все] живое», и тогда «Птах был удовлетворен (или «почивал») после того, как сделал все» [1, с. 369]. Это описание напоминает библейский текст не просто признанием богосотворенности всего и вся. Здесь отразилось своеобразное понимание божественного творения как подчеркнуто сознательного и целенаправленного созидания, в котором отразились мирный, «рабочий» характер самого процесса и удовлетворенность божественного творца своими действиями и т.д. И так же, как и в библейском повествовании, в древнеегипетском теологическом трактате «первым толчком» в процессе творения была божественная мысль, а божественное слово было главным орудием.

И все-таки главное, что не позволяет назвать библейское повествование о сотворении мира мифом, не в этом. Нельзя не согласиться с утверждением Й. Вейнберга «что описание в Пятикнижии не является мифом, а, скорее всего, осознанным или неосознанным отрицанием, преодолением мифа», во-первых потому, что в отличие от древних языческих мифов, основное функциональное назначение которых – «служить гарантом сохранения и обновления сущностных для своего социума явлений» [1, с. 370], не служит средством и гарантом сохранения и обновления того, о чем повествует, и поэтому, во-вторых, не имеет этнотер-

риториальной направленности и границ.

На скрытую в библейском повествовании о сотворении мира и человека борьбу с мифом указывал и М.-Д. Кассуто [2, с. 70]. Он обращает внимание на повторы типа «И сказал... и стало», которые, появляясь на различных этапах творения, противостоят мифологическим представлениям, по которым сотворение мира связано с битвой богов. Можно сказать, что главная задача указанного повествования – стремление освободиться от мифа. И статья рассказом?

Можно было бы найти в этом повествовании и черты рассказа, если б все оно (главы 1 – 3 книги Бытия) и по стилю и по строению принадлежало единой литературной форме. Но оно четко распадается на две части, первая из которой (Быт. 1:1 – 2:3) имеет циклическое строение, отличающееся единым ритмом и стереотипными повторениями в каждой части, и использует имя «Элохим». Во второй, которая начинается стихом 2:4 почти последовательно и очень реалистично описывается сотворение человека, и создатель здесь уже назван «Адонай Элохим». Это стало основой для появления различных комментариев (например, *комментарии Луццатто, Вайнфельда*), возникновения разных теорий (например, *теория источников*), своеобразно трактующих повествование, что фактически разрушало цельность библейского текста, основой которого являлось сакральное содержание. Но если посмотреть на Пятикнижие, в состав которого входит повествование о сотворении мира и человека, как на цельный текст, представляющий нам процесс сотворения и становления мира, человека, народа, человечества, то само Пятикнижие предстанет как драма, а само повествование в главах Быт. 1:1 – 2:3 как *пролог* к этой драме, в котором повествуется о событиях, ставших «причиной или «первым толчком» для последующего развития действия», и утверждается богосотворенность и богоподобие человека. Последующие же главы (Быт. 2:4 – 3) рассматриваемого текста – это *первый акт драмы*, первые шаги на сложном пути становления человека – превращения его из предчеловека в подлинного человека.

Если же вычленим наше повествование из Пятикнижия (действие весьма сомнительное), то его можно определить или как рассказ, состоящий из двух частей, или же, следуя *теории источников*, как два рассказа. Более приемлемым кажется первое определение. Это, действительно рассказ, но рассказ библейский, в основе которого лежит сакральный смысл, потому нижняя граница его не четкая, размытая, точнее открытая в соответствии с замыслом Бога, осуществление которого продолжится в следующих текстах.

Список использованных источников

1. Аверинцев С.С., Эпштейн М.И. Мифы / С.С. Аверинцев, М.И. Эпштейн // Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – М.: Сов. Энциклопедия, 1987. – С. 222-225. 2. Вайсман З., Глендер Ш. Введение в библеистику. Жанры библейской прозы / З. Вайсман, Ш. Глендер – Тель-Авив: Издательство Открытого университета, 2002. – Книга первая. Часть 4-5. – 268 с. 3. Вейнберг Й. Введение в ТаНаХ / Й. Вейнберг. – Москва: Мосты культуры – Иерусалим: Гешарим, 2002. – 432 с.